

Виктор Семёнов

Механизмы

рассказы

Виктор Александрович Семенов

Механизмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22101083

Издательская группа «Айсберг»; 2016

ISBN 978-5-9908188-1-1

Аннотация

Они, смеясь, вспоминают то, что было. Улыбаются тому, что происходит. Идут к успеху, несмотря ни на что. Из маленьких человеческих историй один общий рассказ – о людях, о жизни. Рассказ о любви.

Содержание

Шелест	4
1 июня	4
7 августа	9
8 августа	12
5 сентября	21
Воспоминание	23
Слон и Мосин	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктор Семёнов

Механизмы

Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия.

Евангелие от Луки 9:62

Тебе так много предстоит.

Но вот, смотри – прекрасный вид;

И новый дом, и сад, и сын.

Александр Васильев. «Оркестр»

– Ну что, Евгений Александрович, как ты себя ощущаешь в волнах мироздания?

– Спроси лучшие, как волны мироздания ощущают себя во мне...

Из разговора двух кадастровых инженеров

Шелест

1 июня

– Павлова?

– Ась? – Аня посмотрела на открывающуюся дверь. Мишка Вайсман, как обычно, начинал говорить, не войдя в кабинет полностью.

– К Сергеичу...

– Зачем? – улыбнулась Аня. – Миха, чего он?

– Слушай, не знаю. Вроде документы по «Роднику» запросил.

– Ох, – протяжно вытянула она и, взяв ежедневник, направилась к двери.

Пока Аня медленно, но верно двигалась в сторону кабинета Владимира Сергеевича Минина – зама по правовым вопросам, в ее бортовом компьютере полностью высветилась картина происходящего и даже тактика возможного поведения шефа. Дело по иску ООО «Стайл» к ЗАО «Племенной завод „Родник“» должно слушаться в арбитражном суде Вологодской области. Она родилась и выросла в Вологде. Кому, как не ей, поручить это дело? Тактика уговоров: родина-мать, младший братишка, работа как отпуск. Умничка! Сделай хорошо сотруднику – сэкономь на премии. Твоя премия – дом родной...

Павлова постучалась в дверь шефа.

– Ты, Анка? – пробасили из кабинета. – Заходи.

– Ждал? – они с Мининым были на «ты», после прошлогоднего корпоратива в честь дня рождения фирмы.

– Конечно. Я же тебя вызывал. Вызвал и жду. Вот видишь, пятно посадил... – шеф ткнул пальцем в рукав салатного

пиджака от Vionі. В элегантной бороде застряли крошки. Видимо, пил кофе с печеньем. Настроение хорошее, голубые глаза искрят – юморить можно.

– Да, фигово, – Аня внимательно оценила ущерб, – фигово... Это все? Так я пойду, Володь?

– Да, конечно, иди, – улыбнулся Минин. – Иди с богом... Павлова, улыбаясь, начала отступать к двери.

– Такое дело, – пробасил шеф в ее сторону, – такое дело... Взгляд его потемнел, как небо перед грозой, искорки исчезли. Аня замерла.

– «Родник» тебе придется разруливать. Не получается по-другому. По-другому не получается...

В планы Павловой никак не входили постоянные путешествия на родину. Дело обещало быть затяжным и чрезвычайно муторным. Признание права на восемь земельных участков, каждый из которых образован из бессметного множества земельных паев.

– Володя, – начала Аня, – у нас есть более опытные земельщики. Вася. Людка. Ты знаешь мое отношение к этим сделкам... Через, извини, одно место, сделаны документы. Нужно разбираться в геодезии. Вася справится лучше. То, что я там жила, мне никак не поможет, только отвлекать будет...

– Ань, – перебил ее Минин, – я знаю, как ты умеешь убеждать, любого переспоришь, потому и прошу тебя. Не приказываю.

– Тоже мне – любого. Возьми статистику дел... – продолжила спорить Павлова, но тут кто-то в ее голове прошеле-стел: «Поезжай...», и она оборвала свою речь, соображая, что это было.

– Статистика – ерунда, – воспользовался паузой шеф. – Во-первых, ты участвуешь только в реальных процессах, а во-вторых, у тебя не было ни одного однозначного дела. Поезжай. Первое заседание в августе. У тебя же там брат. Пообщаетесь... Сколько ты его не видела? Поезжай...

– Премия? – единственное, что пришло в голову Ане.

– А съездить на родину для тебя не премия? – улыбнулся Минин. – Ладно. Будет. Не обижу.

Вечером, под конец рабочего дня Мишка Вайсман заглянул в кабинет Павловой, показав бутылку Соппетара, лимон и банку оливок:

– Согласилась? Чего там?

– Ранена... Добей, товарищ...

– Виски будешь?

– Зайди сначала целиком, Вайсман! – завопила Аня. – Буду.

– Уговорил? – Миша поднял на нее глаза, теребя лимон.

– Сама согласилась. Представляешь?

– Не-а...

– Я тоже...

– Прочитай что-нибудь, поэтесса!

– Отстань.

На одном из корпоративов Аня, немного выпив, блеснула мастерством на конкурсе стихосложения, придумав несколько сатирично-пессимистичных эпиграмм. Теперь коллеги время от времени требовали от нее новых.

– Читани, будь другом, – Миша налил ей виски.

– Сам напросился:

В моих глазах одна картина,
На ней угрюмый сорванец
Пьет виски, кушает маслины,
Еще не зная, что конец.

Миша поперхнулся оливкой.

– Дай по спинке похлопаю, – ухмыльнулась Аня.

– Отстань, Павлова. И никакой я не угрюмый.

– А это и не про тебя.

7 августа

– И эту ночь тоже? – спросила Анна, слегка поёрзывая на кресле. – Всю ночь?

– Почти всю. Выла. Орала. Топала. Вздыхала. – Ваня потянулся за трубкой. – Страшно ночевать там. Поедешь?

– Конечно. Конечно, поеду. Теперь точно! – улыбнулась Аня.

– Смотри, там много что поменялось, – сказал Ваня, раскуривая трубку, – много что.

Ваня – младший брат Ани, студент четвертого курса юрфака СПбГУ – каждое лето после сессии возвращался в Вологду, где читал книги и пьянствовал с бывшими одноклассниками, нынешними студентами, которые так же, как и он, слетались домой из разных городов. Аня в студенчестве каникулы проводила в дополнительных занятиях, которые сама себе и устраивала, выискивая наиболее интересные суды и посещая их в качестве слушателя. Поэтому она была не очень довольна инфантильностью брата и в свойственной ей манере временами вставляла ему шпильки.

– Что, например? Боровиков на полянке за жгучкой стало меньше? Или дядя Сережа сделал себе металлокерамику? У меня заседание завтра в одиннадцать. Пошли со мной, если хочешь. Потом переоденемся и съездим в Остахово. В воскресенье я в Питер.

– Не, – отмахнулся Ваня, – не. Забегай после суда, и поедем.

Ваня в каникулы всегда останавливался в родительской двухкомнатной квартире, которая в иное время пустовала – родители пятнадцать лет назад уехали в Норильск на заработки. Аня же заселилась в отель «Атриум» на Герцена, недалеко от суда.

Раздался звонок в дверь.

– Это Пашка. – Ваня слез с кресла и поплелся к двери. Аня пошла вслед за ним.

– Привет! О, привет, Анька! – расплылся в улыбке Паша, заходя в коридор, – Какими судьбами? Приехала отсуживать Вологду?

– Типа того, – буркнула Аня. – Я пошла. Всем пока. Ваня, до завтра. Не пить!

– Разберемся, – ответил Ваня. – Пока.

И закрыл за ней дверь.

– Красивая стала, – сказал Паша, протягивая Ване пакет. – Пахнет вкусно...

– Правда, что ли? – нервно ответил Ваня, принюхиваясь. – Чего там у тебя?

– Самогон дяди Валеры. Нормально. Анька надолго?

– В воскресенье в Питер.

– Как едет?

– Она на служебной машине прикатила, на ней и уедет. Чего ты прицепился? Что это? – Ваня достал из пакета бу-

мажрый сверток. – Закусъ?

– Ага. Колбаска.

Парни пошли на кухню.

8 августа

Утро выдалось дождливым. Аня, проснувшись в восемь, приняла душ, оделась и спустилась в ресторан отеля на завтрак.

Перед зданием суда, светло-серым, четырехэтажным, располагалась похожая на площадь пешеходная зона, и Аня припарковала машину на соседней улочке.

Металлоискатель на входе весело зазвенел. Аня выложила на стол рядом с охраной телефон, кошелек и непонятно как оказавшуюся в сумке пилочку для ногтей, повторила попытку, уже более удачно, и прошла в здание.

Ее дело слушалось в двести одиннадцатом зале. Аня, поднявшись на второй этаж, стала изучать расписание заседаний. Напротив зала на скамейке сидели два человека – молодая девушка в красивом черном брючном костюме и пожилой человек, седовласый, с темно-коричневым толстым портфелем.

– Добрый день, – улыбнулась в их сторону Аня. – Не подскажите, какое время в двести одиннадцатом слушается?

– А не начинали еще, – ответила девушка, – я на десять...

– А я на десять тридцать, – сказал седовласый мужчина.

– Ну а я на одиннадцать, – улыбнулась Аня, – получается, мы все пока без оппонентов...

– У меня признание факта, – девушка посмотрела на Аню

сквозь очки, – а у Павла Евгеньевича ответчик – ФГУП «ВолДорХоз», не ходит. А у вас кто?

– Племенной завод «Родник».

Глаза девушки округлились от изумления.

– Вы из «Питерконсалт»? Ничего себе! Я читала про это дело... Вот блин, и не посмотрела, кто после меня... Ольга Серова, – девушка протянула Ане ладонь.

– Анна Павлова. Очень приятно.

Из зала вышла помощник судьи, молодая девушка в джинсах и черной футболке.

– На десять есть? – пробубнила она – Документы...

– Я, – Ольга протянула ей паспорт и доверенность.

– Заходи, – помощник судьи улыбнулась. Было видно, что эти двое хорошо знакомы.

Ольга зашла в зал.

– Павел Евгеньевич, – мужчина протянул Анне руку, – очень приятно.

– Анна. Вы тоже тут всех знаете?

– Я в меньшей степени... Право – мое хобби. Помогаю друзьям, почти безвозмездно. Из-за природной любознательности прочитал много нормативно-правовых актов, в том числе и процессуальных, пару раз похвастал в компании – и пошло-поехало: сходи, посмотри... ну только разок... А самому интересно...

– А кто вы по профессии?

– Я краевед. И поэт. Выпустил несколько сборников. Чи-

таю лекции по истории края.

– Ух ты! Как интересно... Вы поэт, а юриспруденция – ваше хобби, а я наоборот: юрист, а мое хобби – поэзия... – Аня смотрела на Павла Евгеньевича, едва сдерживая смех.

– Читаете или пишете? – серьезно спросил он.

– И то и другое. Только странные вещи получаются...

– Почитайте...

– Ну не в суде же... Да и мне это как-то непривычно...

– Тогда я вас подожду после заседания, сходим попьем чаю?

– Знаете места, краевед? – улыбнулась Аня.

– Точно так...

Из двести одиннадцатого вышла Ольга:

– Любит же Власова откладываться, а... Третий раз уже...

– Не расстраивайтесь, Оленька. – Павел Евгеньевич начал доставать свои документы. – Может, еще разок пересечемся...

– Ну, слушайте, я знаю, где вас найти, и без этих процессуальных заморочек!

– Кто на десять тридцать, документы! – из зала вылезла голова помощницы.

Павел Евгеньевич сунул в сторону головы доверенность и паспорт и, ехидно посмотрев на Ольгу, подмигнул:

– А я завершу сегодня.

– Ну-ну, – пробормотала та себе под нос, укладывая документы, – удачи...

Павел Евгеньевич скрылся в зале, а Ольга присела рядом с Аней и, пристально посмотрев на нее, спросила:

– А вы ведь отсюда? Из Вологды?

– Да. Отучилась в Питере и осталась. Затянуло...

– Я думала тоже попробовать, но чего-то страшно.

– Уехать?

– Не знаю... Даже не уехать, наверное, а работать там.

Страшно, что не справлюсь...

– Пробуйте, – посоветовала Аня. – Вернуться можно всегда. Не понравится – вернетесь. А не попробуете – будете жалеть. Я была в процессах и в Питере, и в Москве, и в Красноярске – везде люди: две руки, две ноги, голова. Иногда, правда, такое писали в исках, что думалось – нет головы. Но приходила в суд, смотрела – вот она, на плечах, все в порядке... Пробуйте.

– Подумаю... – Ольга встала, и, протянув Ане руку, застучала каблучками к лестнице.

Минут через десять появился Павел Евгеньевич.

– На решение ушла, – с улыбкой заявил он Ане, – говорил же...

– А вы везунчик, – улыбнулась та в ответ. – Вписать вас в доверенность, что ли, для фарта?

– Проходите в зал, – буркнула Павлу Евгеньевичу помощница судьи, и они вдвоем скрылись за грязно-коричневой дверью. Через три минуты, улыбаясь, краевед вышел из зала:

– Удовлетворили. Аня, давайте быстренько – и пойдемте

пить чай.

– Да я быстро, у меня первое заседание, а этих деятелей нет. Да и Власова, как я поняла, любит подумать...

– На одиннадцать, документы... – голова из зала грозно посмотрела на Аню.

– Ведите себя хорошо, – улыбнулась Аня. – Я мигом...

И зашла внутрь.

– Откладываемся, – заявила судья, как только появилась Павлова. – Племенной завод прислал ходатайство о невозможности явки и просит перенести заседание. Откладываемся на пятое сентября. Возражения?

– Уважаемый суд, вы понимаете, что истец – петербургская фирма, я буду ездить в процесс оттуда?

– Возражения?

– Нет.

– Слушанье откладывается на пятое сентября. До свидания.

– До свидания, – ответила Аня и, забрав документы у помощницы, вышла из зала.

Павел Евгеньевич привел Аню в кафе под названием «Лесная сказка» и, усадив за столик у окна, спросил:

– Ты на машине?

– Да, оставила где-то рядом с судом...

– На Пушкинской, наверно. Чай будешь? Или по кофейку? Медовик?

– Какой медовик в такую ночь? – засмеялась Аня. – Да-

вайте просто кофе.

– Давайте.

Сделав заказ, Павел с хитринкой взглянул на Павлову:

– Вернемся к стихам. Прочтешь или упрасивать? Когда начала?

– В детстве маленько. Потом в студенчестве. Рассталась с парнем, поплакала в подушку, взяла ручку с бумагой, думаю: напишу что-нибудь лирическое, девчачье, про любовь – и отпустит. А получилось, что-то странное...

– Почему странное?

– Даже не знаю... Что-то цинично-сатиричное вышло...

Вот:

Я смотрела на него, рыдая от восторга,

А теперь курю гашиш на ступеньках морга.

– Ну да, – промычал Павел Евгеньевич, – не совсем девчачье...

– Вот именно. И полилось такое. У меня чувство юмора своеобразное, да, но не до такой же степени...

– Еще прочти.

– Уверены?

– Читай.

– Пыталась написать стишок – поздравление своему знакомому парню Саше, рыжему, как ирландцы из голливудских фильмов, а получилось:

Ты танцуешь irish step, думая о мире,
Я станцую краковяк на твоей могиле.

Или:

Закатилось солнышко над рыжей головой,
Растрепались кеды. Уезжай домой.

Нормальные такие поздравления, да? – Аня устало улыбнулась. – Я на это сейчас уже с юмором смотрю и писать стараюсь меньше. Направление получается одно и то же, хотя сажусь писать совсем про другое. Вот из последнего, бойфренду. Он фотограф:

Милый, пляши под мою дуду —
Ведь лучше тебе никто не сыграет.
Пляши неистово, и может, тогда приду
И расскажу, что вскоре тебя ожидает.
Что через год ты снимешь свой лучший кадр,
А через два – забудешь, сотрешь по синьке.
А через три – помчишься в Grand Prix с утра
За хорошим костюмом. На мои поминки.

– Да, интересно, – улыбнулся Павел Евгеньевич. – Мне кажется, я маленько понял, в чем дело. Еще есть что рассказать?

– Такое есть:

Уик-энд. Восьмое сентября.
Кистень в кармане теребя,
Я шла по улице Лагоды.
Стояли дивные погоды...

– Кистень?

– Да. Чего-то я расчирикалась, – спохватилась Аня. – Обычно из меня и слова не вытащить. Ну, кроме, конечно, зала суда. А тут – во как полезло... Вы шаман?

– Не, – улыбнулся Павел, – я краевед. И немного юрист. Какие у тебя планы на вторую половину дня?

– Вы бойкий юноша, – улыбнулась Аня. – У меня брат здесь, на летних каникулах, хотели с ним съездить в Остахово. Раньше летом мы там отдыхали у бабушки.

– Хорошее местечко. Очень живое. Любишь жизнь?

– Что? – не поняла Аня.

– Жизнь – любишь?

– Вот так вопрос. Конечно! По мне не видно?

– Видно, что ты себя любишь. Любишь комфорт. Три метра на машине едешь. Любишь природу. Но жизнь – это не только комфорт, природа и красивые штучки. Жизнь – это люди. Любишь людей?

– Тупик за тупиком, Павел Евгеньевич... Чего это вы?

– Простой вопрос. Два слова. Ты же юрист. Любишь людей? Брата? Начальника? Судью? Соседей? Гаишника? Папу?

– Ни хрена себе списочек...

– Как твоего фотографа зовут? – Павел сделал глоток чая.

– Леша. Леха Крутов.

– Любишь его?

– Кого, Крутова? Да. Кажется...

– Вот и других люби. Не сможешь сразу – пытайся сделать так, чтобы они тебе нравились. Просто нравились. Как? Ищи плюсы, сильные стороны в тех, кто тебя окружает.

– В судьбе? В гайшнике?

– Именно. Жизнь – это люди. Любишь жизнь – люби людей. Ты умная девка, поймешь. Практикуйся. Расскажешь потом. Это интересно. Даже захватывающе где-то.

– Ага. – Аня допила чай. Загорелся экран смартфона.

– О, у тебя телевизор звонит, – улыбнулся Павел Евгеньевич

– Это братишка...

5 сентября

В половине первого Павлова вышла из двести одиннадцатого зала с двумя портфелями документов. Слушанье отложили еще на месяц в целях выбора экспертного учреждения: ответчик явился в суд и заявил ходатайство о проведении землеустроительной экспертизы. Выйдя на улицу, Аня нервно оглянулась и направилась к отелю. Из номера набрала пятизначный городской номер.

– Да? – сказали на том конце.

– Павел Евгеньевич, здрасьте! А я вас сегодня в суде ждала...

– Аня, привет! Не смог, не смог... Ты когда назад?

– Да вот, сразу хотела...

– Слушай, у меня сегодня творческий вечер, в три, в детской библиотеке, заедешь на часик – и сразу в Питер. Это там же, где мы чай пили. Советский проспект. Приезжай!

– Ладно, – буркнула Аня. – Посплю пока...

В четверть четвертого она зашла в детскую библиотеку. Павел Евгеньевич встретил ее кивком и продолжил рассказ о Шексне. Павлова протиснулась сквозь ряд из пяти стульев и села в уголок. И задремала. Проснулась от смеха.

– Пробудись, Анна Сергеевна! Я тут тебя нахваливаю, а ты спишь! – улыбался Павел Евгеньевич. – Друзья, это Анна Павлова, поэтесса из Петербурга, мой хороший друг. Сей-

час нам что-нибудь прочтет. Что-нибудь новое только! Пожалуйста, Анна...

Она замерла от неожиданности. И вышла вперед:
– Хорошо. «За окошком» называется.

Окошко – метра полтора. Немытое. В разводах.

За ним – резвится детвора,

А дальше, в глубине двора, Роддом. Там радуются в родах.

Мальчишки весело галдят, девчушка пруд рисует,

Юнцы бутылками звенят,

Эх, милый, где фотоаппарат? Смерти не существует.

– Ну, умничка же! – торжествовал Павел Евгеньевич. – Умная же девка. Говорил я тебе?

По дороге в Питер Аня заехала в Остахово. Остановилась, не въезжая в село, у речки Пожеги, где они с Любкой Марьиной в детстве ловили плотвичек. Небо хмурилось тучами. Ветер трепал листья деревьев, и они шелестели.

Заморосил дождик. Аня, постояв еще минутку, залезла в свою служебную Audi и посмотрела на себя в зеркало заднего вида.

– Павлова, что это было? – спросила она у отражения. Светло-серые глаза в зеркале смеялись.

Воспоминание

Я давно не получал писем. Полгода назад вообще перестал заглядывать в электронную почту. Пока работал в редакции – регулярно пользовался ей, скидывал статьи и очерки, а в ноябре уволился. Сейчас вот апрель уже, 2015-й, а я и пароль-то забыл. Ну как – уволился... Попросили дописать статью и написать заявление. Со статьей я их послал, а с заявлением – нет. Работал я на Красноярскую звезду, но из Красноярска переехал в марте 2014-го в Минусинск. А вообще-то я ленинградец. Жили с родителями у Пяти углов, а в 1988-м, когда мне исполнилось десять, переехали в Купчино. Мой дед Иван Федорович с конца семидесятых снимал дачу в поселке Осельки, где я и проводил лето, пока мне не исполнилось 18 лет. В июне меня и мою двоюродную сестренку Леську завозили на дачу и забирали раз в две недели в город на помывку. Олеся была дочкой папиной сестры, тети Оли, младше меня ровно на десять месяцев. Мой батя Павел Андреевич работал на кировском заводе начальником сборочного цеха, а его сестра, Леськина мама, в отделе кадров районной поликлиники.

В обычные летние будни мы так и жили на даче, вчетвером: я, Леська и дедушка с бабушкой, пользовались двумя комнатами на первом этаже и верандой. Иногда на выходные или праздники на дачу подтягивались родители, устраивали

застолья. Нам с Леськой очень нравились эти дни: контролировали нас куда меньше, и можно было гулять чуть дольше и убежать чуть дальше обычного.

В одну из таких чудесных июльских суббот мы, быстро проглотив обед, схватили велики и помчались по грунтовке к лесу. Застолье в доме только начиналось. Мы знали, что закончится оно к вечеру, и решили использовать время на все сто: доехать до Изумрудного озера и обратно дотемна. Лесное озеро находилось километрах в пяти от грунтовки. Вела к нему узкая просека, которая подходила для велосипедов и не очень-то для машин. Интересовало нас скорее не само озеро, а то, что рядом с ним: воронки от снарядов. Там мы находили патроны, пули, гильзы и другие следы Великой Отечественной. В сентябре, когда начиналась школа, подобные летние трофеи укрепляли репутацию.

Выехали мы в два, а в три уже купались в Изумрудном, оставив велики на полянке неподалеку. Искупавшись всласть и подсохнув, направились в лес, к первой из отмеченных нами воронок. Леська рассказала мне, как с подружкой Симой бегала за мороженым на станцию. Я же, вспомнив подслушанный на днях разговор соседки Клавдии Петровны, которая снимала второй этаж нашего дома, с ее подругой тетей Ниной, сказал сестренке:

– Леська, слушай секрет: есть какой-то волшебник, которого зовут Бог. Говорят, что у него ни попросишь – все получаешь...

– Что-то я про такого не слышала, – ответила Леся.

– Конечно, не слышала. Это ведь секрет.

А Клавдия Петровна просила тетю Нину, которая приехала к ней на выходные, помолиться за жизнь своего сына Васьки, которого отправили в Кандагар. Уже месяц, как от него не было известий. Говорила:

– Нинка, сказано ведь: все, что ни попросите во имя Мое, все получите. Ну да – идейная, партийная, ну Васька-то здесь при чем?

А я, забравшись по приставленной к дому лестнице на чердак, видел их сквозь щелочку в полу, слышал все и, сидя тихо, как мышь, пытался сообразить: кто такой Бог, что такое Кандагар и как это относится к Васе – силачу и добряку, которого я не видел с прошлого дачного лета.

– А ты уже пробовал? – спросила меня сестренка.

– Не-а, – ответил я, поглядывая вверх. Сгушались тучи. Небо темнело.

Мы добежали до ближайшей воронки: глубокой – метра полтора – песочной ямы, и, скатившись вниз, начали руками разгребать песок.

Заморосил дождик. Я посмотрел на электронные часы, которые на прошлый день рождения мне подарил батя, и с удивлением обнаружил, что уже четыре. В шесть тридцать надо явиться домой к ужину.

Дождь усиливался. Я окликнул Леську, предложив ей переждать дождь под деревом. Мы выбрались из воронки и

укрылись под ближайшей сосной, прижавшись спинами к толстому стволу. Пахло смолой и мокрыми ветками.

Дождь превращался в ливень. Все небо затянуло тучами. Где-то на западе громыхнуло.

– Гроза... – испугано прошептала Олеся.

– Далеко грохочет, – пытался бодриться я, – мимо пройдет.

А сам, как сейчас помню, затрясся, сжав зубы, чтобы сестренка не услышала их стук.

Через десять минут громыхнуло слева от нас, значительно ближе, и через пару секунд электрический разряд молнии разрезал потемневшее небо. Леська заверещала.

– Надо бежать, – я попытался овладеть голосом. Получилось не очень. – Нам говорили в школе, когда гроза – под деревом нельзя, надо бежать.

И мы сиганули в лес. Бежали долго, слыша раскаты грома. Остановились минут через двадцать. Громыхание стихало. Потоки дождя ослабевали. Леська присела на пенек, а я плюхнулся на мох, рядом.

Отдохнув минут пять, решили выбираться к велосипедам. Остатки дождя выливались на нас мелкой моросью, но небо по-прежнему оставалось темным. И тут возникла новая напасть: я не мог понять, в какую сторону нам двигаться.

– Знаешь, куда идти? – на всякий случай спросил я у Леси.

– Нет, – ожидаемо ответила она.

И мы пошли в сторону, откуда предположительно прибе-

жали. И, как выяснилось позже, пошли немного не туда.

Бродили мы долго. Трижды ливень снова начинался и трижды заканчивался. Потом тучи рассеялись, оголив голубизну неба, но ненадолго – солнце спряталось за горизонт. Леска вела себя чудесно – не ныла и не плакала, и лишь когда останавливались на отдых, прижималась ко мне и тихонько всхлипывала.

И вот когда на моих «Касио» загорелись цифры 21: 15, случилось чудо: мы выбрались к ручью и немного левее увидели сваленное через него дерево. Это место я знал. Ручей вытекал из озера.

Через пятнадцать минут мы вышли к Изумрудному. Взяв велосипеды, рванули к дому и часов в десять вечера стояли у дверей.

Зашли на веранду. Картина была страшная. Три мужика в гробовой тишине смотрели четвертьфинал чемпионата мира Аргентина – Голландия. На столе стояла почти нетронутая бутылка коньяка. Мамы и бабушки я не увидел. Открыв рот, начал было что-то объяснять, но батя, взяв меня за ухо, повел в комнату, не очень-то слушая мой щебет. Он меня никогда не порол до этого и никогда после, но в тот раз мне досталось очень сильно. Но я не плакал, понимал: то, что моя горящая от ударов ремня пятая точка находится дома, – это чудо. Сестренке тоже влетело.

С ней с течением времени мы общались все меньше и меньше. Спустя два года ее родители купили свой участок

и быстро отстроили дачный домик. Летом они отправляли Леську туда с другой бабушкой. В городе мы жили в разных районах и виделись только на семейных праздниках.

А потом повзрослели. У каждого свои друзья и свои интересы. О ее успехах я слышал от мамы, которая насильно вливали мне в уши истории про красный диплом юрфака университета, бизнес-проекты, семью Леси. Про картины, которые она писала и умудрялась продавать. Я же с тройками окончил филфак и жил в Питере, с родителями, до тридцати, мечтал писать: сначала фантастику, потом беллетристику. А потом уехал в Красноярск по приглашению местного издания. Маленько пил. Так мне казалось. Окружающим казалось, что не маленько.

А сегодня вот в почту влез. Изменил пароль и влез. А там письмо от Леськи. Три недели назад отправлено. Письмо от Леськи и два спама.

«Братик, – пишет она, – привет! Я не буду грузить тебя никакими историями, описывая свою жизнь, рассказывать про детей, бизнес, творчество. Знаю, тебе это все равно. Я хочу сказать тебе спасибо. За тот день в лесу, помнишь? Как мы попали в грозу, а потом заблудились. За то, что ты сказал мне. Я ведь тогда попросила Бога, чтобы мы вернулись домой, чтобы нашли дорогу. И когда мы оказались дома – поверила в это волшебство. И никогда больше не забывала. Никогда. Целую тебя. И ты вспоминай!»

Вот я и вспомнил.

Слон и Мосин

Обедать Оксов собирался в ресторане «Хутор» на Караванной. Шел к нему со стороны Манежной площади, где удачно припарковался, но звуковой сигнал смартфона заставил его остановиться. Звонил Петр Петрович Каменев – начальник юридического департамента крупного строительного холдинга «Развитие», который пару лет назад зашел на строительный рынок северо-запада и запрыгал по нему, как бегемотик из мультика про друзей.

– Валерий, – раздалось на том конце, – здравствуйте. Удобно говорить?

– Конечно, Петр Петрович. Более чем. Как вы?

– Отлично. Тут есть одна задача по вашему профилю. Надо встретиться.

– С удовольствием. Я собираюсь обедать в районе Манежной, сможете подъехать?

– Отлично. Буду минут через сорок.

Сделав заказ, Валерий погрузился в перелистывание интернет-страниц в смартфоне. Брякнула смс от жены: «Купи чесночный багет».

Отлично. Теперь придется заехать в кондитерскую у метро (а машину там припарковать еще сложнее, чем в центре), отстоять очередь из любительниц мучного и таких же бедолаг, как он, добраться до прилавка – а у продавщицы с пя-

титысячной не будет сдачи, а у него мельче нет, а терминал не работает, сходите разменяйте в пивной отдел, а там разливной «Хугарден», а он дал себе слово: пиво не чаще двух раз в неделю...

«Хорошо, милая», – ответил он.

К тридцати пяти Валерий достиг значительных, по меркам его знакомых, финансовых успехов: время ему подсказывали часы Ulysse Nardin, ездил он на BMW, жил в комфортабельной трешке на Московском, в которой по вечерам его встречала модельной внешности блондинка – Ольга, успешный ландшафтный дизайнер и его жена. Профессию свою Валерий определял так: «специалист по согласованиям проектов», в быту же она называлась проще: «решала». В его дипломе красовалась надпись «инженер-технолог», а в трудовой книжке – первая и пока единственная запись «заместитель начальника департамента землеустройства. Принят на работу. Уволен по собственному желанию».

Постоянным фоном мыслей Валерия были раздражение и неудовлетворенность. Он достиг феноменальных успехов в сдерживании эмоций и объяснял свою постоянную неудовлетворенность огромной жаждой успеха. Как некий вечный двигатель, который заставлял его вставать каждое утро и, глядя на циферблат часов из новой коллекции Marine, топтать в ванную. Валерий был худощав и очень невысок: метр шестьдесят пять. Одноклассники из 523-й гимназии, где он учился, называли его Слоном. Жена, прознав об этом дет-

ском прозвище, в особые моменты ласково называла мужа «Слоник» и просила предъявить ей хобот.

В дверях показался Каменев, неформально одетый, в джинсах и кожаном пиджаке, видимо, только с самолета. Сел напротив и, улыбнувшись Валерию, протянул руку:

– Здрасьте, Валер.

– Приветствую, Петр Петрович. С самолета?

– Ага. Из Москвы. Марат вызывал. Задача – четко ваша.

По области.

Валерия восхищала его манера формулировать мысли.

Его лаконичность.

– Какой район?

– Выборгский. На въезде в Лоцино. Два гектара нам предоставило КУМИ. Еще два – выкупили пионерлагерь завода «Пламя». Налицо коттеджный поселок. Но участки не смежные. Между ними – четыре частных надела. Купим – пятно можно застраивать по проекту, в триста домов. Нет – в два раза меньше. Смекаешь? Нюансы с подводом коммуникаций. Твоя задача – выяснить, кто собственники, найти их, провести переговоры, оформить сделки. Проблем быть не должно: домики там задрипанные, деньги даем хорошие.

– Оплата?

Каменев написал цифру на листочке бумаги:

– Это фиксированная такса. Дальше твой интерес в минимизации цены каждого из участков. Заработать есть где. Не мне тебя учить.

– Скидывайте документы, – Оксов отхлебнул кофе.

Домой Валерий приехал часов в восемь. Из желтого полиэтиленового пакета торчали чесночный багет и литровая бутылка «Хугардена».

* * *

Задача обещала быть простой. Утром следующего дня, а это была среда, Валерий скинул информацию об участках на электронку своему коллеге Владимиру, который ранее работал регистратором прав, а сейчас курировал этот блок вопросов. К обеду на почту Валерию пришел список из четырех фамилий с паспортными данными каждого владельца. Пробежавшись по ним взглядом, Оксов переслал файл Наташе Мягковой – его давней знакомой, работающей в городской прокуратуре. К пяти часам Наташа отправила ответ: файл с адресами и телефонами собственников. Валере повезло. Собственность везде была частная. Если б наделы оказались в долевой собственности или вообще неприватизированными, возни было бы больше. Пришло время запускать профессионала – переговорщика. И он набрал номер Павла, агента по недвижимости и большого специалиста разговорного жанра. Болтали долго. Паша любил поговорить.

Покончив с делами, Валерий обнаружил три непринятых вызова от Оли. Он ткнул пальцем в контакт с надписью «Любимая жена»:

– Что случилось, миссис Хадсон?

– Слоник, купи чаю домой, а? Только развесного. Цейлонского. Крупнолистового. Черного, естественно.

– Хорошо, дорогая.

* * *

Утро следующего дня началось со звонка Паши:

– Иванов и Фурцева согласны. Можешь готовить проекты договоров. К Федосееву поеду сегодня, он захотел встретиться лично. Судя по голосу, был пьян. Это может и помочь, и навредить. Отзвонюсь тебе, как чего.

– А четвертый?

– Мосин. Виктор Иванович. Не отвечает ни городской, ни мобильный. Вечером заеду на адрес.

– Давай.

Шел десятый час. Ольга уже уехала в офис, а Валерий, выпив кофе, решил заняться проектами договоров. Сразу создал четыре папки, назвав их соответствующими фамилиями. К часу дня снова объявился Паша:

– Немножко навредило. Чуть больше хочет. Я про Федосеева. Но все в рамках озвученных интересов. Зато может поменять мнение. С ним надо быстрее всех выходить на сделку. Я поехал к Мосину.

Опять отзвонился в три:

– Слушай, Валер, странное дело: сначала звонил в домо-

фон, потом проник в подъезд и звонил уже в квартиру. Не открывает. А свет горит вроде в одной из комнат. Причем светло же еще, у него квартира на втором этаже, штор нет – лампу видно. Тут надо думать...

– Давай пообедаем? – Валера взглянул на часы.

– Давай у китайцев? «Дитай» знаешь на Лесном?

– Конечно. Встретимся в четыре.

Телефон разрывало от звонков. Из Комитета по охране памятников по поводу охранного обязательства на кирпичную трубу, торчащую из земли на Свердловской набережной. Участок пытались застроить элитной многоквартирной недвижимостью, а труба 1909 года торчит прямо посередине. Из Всеволожской администрации по поводу заявки на аренду участка под торговый павильон. Сообщение от жены: «Купи шампиньонов». «Конечно, милая». Пора в «Дитай».

* * *

– Хочешь утку? – спросил Валера у Паши. – Здесь классно делают утку...

– Слушай, не, я чего-нибудь морского. Сейчас посмотрю...

Подошла официантка. «Светлана», – гласила надпись на красивом фиолетовом бейджике.

– Что будете заказывать? – спросила она, улыбнувшись Паше. Валерий нервно теребил фиолетовую же картонку ме-

ню:

– Мне утку по-пекински и томатный сок.

– Целую, половинку, четверть?

– Половину утки, – улыбнулся Валера, пародируя Агутина, – а больше не надо...

Павел, сделав заказ, улыбнулся Валере и сказал, крутя в руках темные очки:

– Милая девочка...

– Я вообще-то мальчик, – ответил Оксов. – Ты же был со мной в бане...

– Я про официантку.

– А... А ты женись на ней. И посмотрим, надолго ли она останется милой в твоих глазах.

– Очень смешно. – Павел поправил прическу. Он был крупным, спортивным парнем и очень ревностно относился как к своей внешности и одежде, так и отношению к нему лиц противоположного пола. – Так, по поводу четвертого. Надо побольше информации. Узнать, где работает, как выглядит. Видишь, даже если просто сидеть у парадной и ждать, когда выйдет, – глухой номер. Мы не знаем, как он выглядит. Есть идеи?

– Либо Наташка, либо Арсений. Кто еще есть из системы?

– Какой Арсений?

– Адвокат. Работали с ним в департаменте. Потом он ушел в свободное плавание. У него хорошие связи в органах. Арсений Пак. Кореец.

– Короче, достань информацию, и я продолжу.

– Хорошо. – Валерий нервно взглянул на часы. – Пора бы принести еду...

* * *

Информация появилась только к вечеру пятницы. Брякнула мобильная почта. Оксов сидел в приемной заместителя председателя одного из городских департаментов. Секретарша сердито зыркнула на него из-под бровей-ниточек, молча осудив за неподобающее в святая святых поведение. Пришло два файла. Текстовый и фотка. Не открывая их, Валерий переслал сообщение Паше и отключил телефон, чтобы не напрягать и без того напряженную атмосферу этого чудесного места.

– Проходите, – спустя пять минут проворчала секретарша, – Василий Петрович вас ждет.

– Спасибо, – улыбнулся Оксов и зашел в кабинет.

* * *

В субботу Валерий с женой собирались сходить в кино. На обед они заказали суши в «Кидо» и, перекусив и выпив по чашке кофе, начали одеваться.

– Слоник, я в ванну, – прошелестела Ольга, – я быстро...

– Ага, знаю, – проворчал Валера. И сев на диван, потянулся за пультом от телека. Рядом с пультом замигал экран поставленного в беззвучный режим смартфона. Оксов увидел два пропущенных вызова. Оба от Павла. И перезвонил ему.

– Проблема, брат, – первое, что Валера услышал в трубке. По спине побежал предательский холодок. – Он даже разговаривать не стал.

– Что так?

– А ты сам-то читал, что мне переслал про него, или как всегда? Посмотри, потом созвонимся.

– Слоник, – закричали из ванной, – тут полотенца нет... Принеси!

Валерий поплелся в гардеробную за полотенцем, по дороге открывая вчерашнее письмо.

Текстовый файл состоял из нескольких строчек:

«Мосин Виктор Иванович, родился 3 мая 1940 года в городе Ленинграде, окончил механико-математический факультет Ленинградского государственного университета, с 1970 года по настоящее время преподает в университете математическую кибернетику, доктор физико-математических наук, профессор, автор нескольких работ по теории чисел. Живет один. Жена умерла семь лет назад от инсульта. Сын – Дмитрий Викторович Мосин, проживает в Москве, занимается автоперевозками».

Валерий удивленно пожал плечами. И что? Профессору кибернетики не нужны деньги? Он перезвонил Павлу и раз-

драженно спросил:

– И что?

– Решил поймать этого Мосина в универе. У меня там невеста друга в аспирантуре учится, Ленка, она меня провела и показала, где его найти. Подкатил к нему в коридоре, представился, предложил пойти выпить кофе. Моложавый такой дедок. Не выглядит на семьдесят четыре. Глазки молодые. А что вы хотите, спрашивает. Денег, говорю, вам предложить. За участок. Много. А он: дача не продается. И все. Даже сумму не узнаете, спрашиваю. Нет, говорит, все, разговор закончен. И скрылся на кафедре. Визитку ему всунуть не успел.

– И что думаешь?

– Думаю, не ломается. Гиблое дело. Мне к нему идти еще раз смысла нет. Некоторых раньше брал измором, но там сразу было ясно, что человек торгуется. Здесь история, похоже, другая. Попробуй сам.

– Милый, мне трусики на мокрую попу надевать? Или ты принесешь полотенце? – завопили из ванной.

– Ладно, Паша, спасибо, – спокойно ответил Оксов, вытирая капельки пота со лба, – на связи. – И Оле: – Иду!

* * *

Встреча состоялась только через неделю. Всеми правдами и неправдами Оксов пытался добраться до тела скромно-

го математика, и только к вечеру следующего понедельника ему пришла смс от коллеги Оксаны, которая имела некоторые связи в университете: «Завтра в два он ждет тебя у себя дома».

Приехав, посидел чуток в машине, дослушивая Portishead. Ну, что пошли, сказал он себе и, заглушив двигатель, вылез на покореженный асфальт внутриквартального проезда между домами 31 и 33 по улице Белы Куна. Звонил трижды. И только после четвертого звонка замок залязгал старым железом. Открылась дверь.

– Здравствуйте.

– Добрый день, – ответил ему пожилой седовласый человек и, протянув руку, добавил: – Виктор Иванович.

– Очень приятно, – ответил Оксов. – Валерий. Валерий Александрович.

– Отлично, – улыбнулся профессор. – Проходите, раз уж пришли. – И сам зашел внутрь. – Разувайтесь, пойдемте на кухню. Чай, кофе, коньяк? Будете что-нибудь?

– Кофе – было бы здорово, – прокричал вслед Мосину Валерий, стягивая ботинки. Проследовал на маленькую кухню и сел за деревянный икеевский стол.

– Валерий Александрович, – начал Мосин, колдуя над кофе, – вы ко мне по поводу дачи, так? За вас просил Кирилл Максимович, и я не мог ему отказать, но он так уклонялся от рассказа о цели вашего визита, что все стало ясно без слов. К тому же в последние дни мне звонили соседи по Лоцино,

спрашивали, за сколько я продал свой надел. Я прав?

Валерий отхлебнул кофе, посмотрел в карие глаза профессора и сказал, улыбаясь:

– Конечно. Вы очень проницательны. Дело такое: все, что слева и справа от вашего дома, будет застраиваться коттеджами. Трое ваших соседей уже подписали договоры. Ваш участок остается последним форпостом, который отделяет застройщика от мощных прибылей. Можно получить сумму значительно выше реальной рыночной стоимости этой земли. Совсем не интересно?

– Интересно. Мне все интересно. Но продавать я не буду. Не взыщите, Валерий Александрович...

– Что так? Все хорошо? Вы богаты? Научная интеллигенция наконец обрела финансовую свободу? – в голосе Оксова слышалось плохо скрываемое раздражение.

– Все у всех по-разному, мой друг. – Мосин улыбнулся и сделал глоток кофе. – Если бы это предложение поступило моему другу Кириллу Максимовичу, думаю, он с радостью бы согласился, и я его очень хорошо понимаю. У меня другая история. Я научился быть счастливым вне зависимости от количества купюр в кошельке. На то, что я хочу, денег у меня хватает. Я с детства, лет с десяти занимаюсь очень интересным делом. За все эти годы финансирование науки менялось, хотя общий принцип оставался тот же, но меня никогда не огорчали вопросы небольшого по сравнению с кем-то еще денежного довольствия. Потому что я всю жизнь за-

нимаюсь делом, которое люблю и для которого, по-видимому, предназначен. Когда я это понял, моя оценка критериев успеха изменилась. Денег или каких-то других блестящих штук среди этих критериев нет. Хотя я не имею ничего против них. Я очень успешный человек. И именно там, в Лоцино, летом 1950 года, которое я проводил с бабушкой, среди прочих мне попала книжка «Занимательная математика». Я прочел ее и влюбился раз и навсегда. Там, на веранде дома, были написаны основные мои статьи и монографии. Там мне работается лучше, чем где бы то ни было. Этим летом именно там я планирую завершить работу по теории чисел. Как же я это все продам?

– Интересно, – ответил Валерий, лихорадочно соображая, что делать дальше. Умолять? Пугать? Настаивать? Чуть задергалось веко. Брякнула смс: «Слоник, купи билеты на СКА. Три штуки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.